

УДК 160.1

**«МЫ СПОРИЛИ ДОЛГО — ДО СЛЁЗ НАПРЯЖЕНЬЯ...»
(НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА РОССИЙСКИХ ЛОГИКОВ
НА СТРАНИЦАХ ОТКРЫТОЙ ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА)**

Н.Х. Орлова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты становления логики в дореволюционной России с точки зрения коммуникации внутри академического сообщества. Автор анализирует традицию написания критических книг-ответов на труды коллег по цеху. Корпус имён: Н.О. Лосский, А.И. Введенский, И.С. Продан, И.Д. Менделеев, И.И. Лапшин, С.И. Поварнин, В.М. Каринский. Для российских логиков в начале XX в. печатные страницы монографий, учебников, статей были площадкой для ведения научной полемики, обмена мнениями, в том числе и с международным научным сообществом. В ходе исследования автором привлекаются многочисленные первоисточники первой четверти прошлого столетия, большая часть из которых не была переиздана.

Ключевые слова: философия, история логики, академическое сообщество, стратегии коммуникации, публикационная активность, научная полемика

«Письменный спор, если взять его вообще, – пишет С.И. Поварнин в своей работе «Спор: О теории и практике спора», – гораздо более пригоден для выяснения истины, чем устный. Поэтому научные споры, например, в научных сообществах довольно редко имеют большую научную ценность. Тут тоже обычное неумение слушать, поглощение верблюда и оцепивание комара и т. п., как во всех сложных спорах. Но зато письменный спор имеет другие недостатки. Он тянется слишком долго – иногда несколько лет. Читатели (занимающие здесь место слушателя) успевают забыть его отдельные звенья и не всегда имеют время и возможность восстановить их в памяти. Этим иногда широко пользуются спорящие для безнаказанного искажения мыслей противника, для ответов не по существу и т. д. и т. п.» [1, с. 21].

Исследование коммуникативных стратегий внутри академического сообщества любого периода не только представляет исторический интерес, но и актуализирует на каждом этапе развития научного знания, образовательных институтов фигуры университетских учёных и преподавателей.

Первую четверть XX в. принято считать периодом взлёта в развитии логики в России. Логика становится «общепризнанной, авторитетной и уважаемой научной дисциплиной» [2, с. 9], с корпусом блестящих имён и растущим числом

оригинальных публикаций. Особенностью философского рефлексирования по вопросам логики становятся острые дискуссии вокруг концепций, претендующих на целостность, которые предлагались академическому сообществу коллегами по цеху. Они должны были удовлетворять решению актуальных задач дня, «возникающих как внутри философских концепций, так и в процессе преподавания логики в начале XX века» [3, с. 5]. Н.О. Лосский так суммировал эти задачи: «Логика очень медленно вступает на тот путь, при котором закон достаточного основания, как синтетический логический закон, выдвигается на первый план, однако всё же движение по этому пути в наше время начинает отчётливо обрисовываться» [4, с. 44]. Изложение логической проблематики в то время дополнялось философскими суждениями, и это «создавало специфику логических исследований в университетской философии» [3, с. 8]. В.А. Бажанов подчёркивает её логико-гносеологическую направленность как одну из примечательных черт, отмечая «слиянность логики, философии и психологии под эгидой изучения философии» [5, с. 17]. Формальные требования к преподаванию, учебным планам, программам лекционных курсов, самим учебникам должны были обеспечить это.

В спорах зачастую важнейшее место занимало именно определение позиции по отношению к психологизму¹. Так, Н.О. Лосский² по поводу книги своего учителя А.И. Введенского «Логика как часть теории познания»³ пишет развернутую рецензию в формате отдельной книги. На первой странице этого небольшого издания выражается радость в связи с тем, что книга вышла, «наконец, в изложении самого профессора, а не по записям слушателей» [7, с. 1]. Однако здесь же и указание на то, что логика суждений ставит вопрос о скрытом психологизме. По убеждению Лосского, в эту ловушку Введенский попадает потому, что, «не зная точного критерия, отличающего сферы двух наук», руководствуется только частностями [7, с. 42]. Обходясь же без теории сознания, попадает в «ряд бедствий». В первую очередь его «Логика...» исключает теорию суждений, вполне разработанную и представленную в современной литературе. Как и следовало ожидать, звучит также упрек в борьбе с интуитивизмом [7, с. 42].

Для научной коммуникации того времени печатные работы служат своего рода площадкой для привлечения внимания к дискуссиям. Стилистика текстов несёт в себе полемический запал, часто тяготеет к критической насмешке, в том числе в адрес так называемых капитальных трудов. Нередко авторы провоцируют

¹ Такой полемике (между А.И. Введенским и Н.О. Лосским) посвящена монография В.И. Поповой, в которой предлагается подход с позиций понятия «авторский образ логики», а принципиальным содержанием является «восприятие научным сообществом её состава и роли в науке и культуре» [3, с. 8]. Реконструируя образы логики Введенского и Лосского, автор пишет о том, что их логические учения относятся к традиционному типу логики, в их системах «представлен субъектно-предикатный анализ высказываний с преимущественным использованием естественного языка» [3, с. 144].

² Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) был оставлен при Санкт-Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии, с 1900 г. – приват-доцент, а с 1916 г. – экстраординарный профессор.

³ Введенский Александр Иванович (1856–1925) возглавил кафедру философии Санкт-Петербургского университета в 1890 г. Первое издание этого университетского курса лекций по логике вышло в 1909 г. и представляло собой обработанные автором конспекты, сделанные курсистками и студентами, второе – «образуется вполне новую книгу» [6, с. V].

предисловиями к своим сочинениям. Например, И.Д. Менделеев⁴ отреагировал на такой запрос А.И. Введенского книгой «От критицизма к этической гносеологии...» (1914), задачи которой видел в том, чтобы «с достаточной подробностью сопоставить свои выводы с выводами других современных систем» [8, с. V]. Оговариваясь, что цель работы не в умалении заслуги учёного, Менделеев подчёркивает: «Мы сочли себя вправе прямо и резко указать на то, что кажется нам в его системе недостаточным для настоящего времени. <...> Тем более, что сам проф. Введенский в предисловии к рассматриваемому сочинению “усердно” просит всех указать “всё, что покажется ошибочным”» [8, с. VI].

Внимательно изучать, в каких соотношениях находятся научные взгляды коллег по логическому (философскому) сообществу, было привычной практикой в ту пору. Концепции друг друга рассматривались в первой четверти XX в. детально, если оппонировали, то, как правило, по каждому тезису. В этом смысле можно говорить о профессиональном объединении логиков, работавших в различных университетах Российской империи. Книжную полемику, как представляется, можно сравнить со своего рода развёрнутой во времени «дистанционной» конференцией. Вне всякого сомнения, такой диспут, стратегии оппонирования на страницах монографий, учебников, статей технически обеспечивали поиск неких совместных оснований для соответствующего исследования. Общая логическая ситуация складывалась прежде всего из обменов между наиболее авторитетными авторами того времени. Очевидно: академическое сообщество фокусировало полемику в самых разных её проявлениях вокруг тех или иных идей, носителем которых оно само являлось. Иногда работа кого-либо становилась в известной степени точкой бифуркации, к которой стягивалось значительное число оппонентов, событие обрастало солидной библиографией. Остроте полемики зачастую способствовал и тот факт, что терминологический аппарат логики проходил стадию приведения к единообразию, в этой связи сам по себе он становился предметом споров.

Поварнин – Лосский – Поварнин

В 1911–1912 гг. логическое сообщество становится свидетелем одного весьма острого столкновения между С.И. Поварниным⁵ и Н.О. Лосским. Всё начинается с небольшой брошюры, в которой Поварнин проходит весьма едко по поводу интуитивизма Лосского (см. [9]). Следует сказать, что один из современников и коллег по цеху В.Н. Ивановский⁶ писал: «Русская философская мысль бедна; наша продуктивность в этой области очень не высока, – а потому естественно, что учение г. Лосского, его “интуитивизм”, не может не вызвать самого серьёзного внимания со стороны русской философской критики» [10, с. 1]. Вместе с тем он оспаривает его теорию и предлагает рассматривать как неполную,

⁴ Менделеев Иван Дмитриевич (1883–1936) – метролог и философ, профессор Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии. Разрабатывал этическую гносеологию, противостоявшую неокантианской теории познания.

⁵ Поварнин Сергей Иннокентьевич (1870–1952) – ученик А.И. Введенского, с 1904 по 1923 г. – приват-доцент Санкт-Петербургского университета.

⁶ Ивановский Владимир Николаевич (1867–1939) – приват-доцент Московского (с 1899 г.), а затем Казанского (с 1904 по 1912 г.) университетов.

поверхностную, грешащую неустойчивостью смыслов основных понятий, терминологической неотчётливостью [10, с. 4].

Размышления С.И. Поварнина предвараются словами: «Полная надежд и широких планов ладья талантливой автора разбивается о незаметный подводный камень, о который разбилось немало учений в опасном море философии. Этот камень – формальная несостоятельность философских построений» [9, с. 3]. Иначе говоря, в своих книгах Лосский впал в огромные противоречия. Причём их ряд настолько велик и важен, что интуитивизм в том виде, который дискутируется, «разъезжается по швам» и не может быть «фундаментом прочного знания» [9, с. 13].

Тщательно разбирая логику суждений и утверждений, Поварнин-оппонент говорит о полной неудаче, о неразрешимых дилеммах, которые Н.О. Лосский обходит, но не разрешает, о забывчивости, о неясности и двусмысленности терминов («недостаток, очень заметный в сочинениях г. Лосского» [9, с. 18]).

Суммируя обнаруженные противоречия в общем развитии учения о суждении у Н.О. Лосского, Поварнин привлекает внимание читателя к трём аспектам: 1) в суждении между субъектом и предикатом устанавливаются отношения тождества и различия; 2) во всяком суждении предикат выделяется из субъекта и стоит к нему в реальном отношении следствия к основанию; 3) в очень многих и чрезвычайно важных суждениях «мы выходим за пределы субъекта суждения и прослеживаем реальную связь его с другим переживанием – предикатом. Может быть, все три понимания как-нибудь и примиримы с точки зрения интуитивизма. Показать это – дело г. Лосского» [9, с. 18].

В этом же году появляется «Ответ...» (см. [11]). На метафору о ладье и формальной несостоятельности Н.О. Лосский отвечает, что последнее «есть нечто убийственное», для чего, похоже, критику понадобилась «необычная, почти *идиотическая бессвязность* (курсив наш. – Н.О.) мышления» [11, с. 4]. Едкая насмешка выражена в подозрении, с которым только и надо относиться к критикам, не оставляющим камня на камне от чужой системы [11, с. 5]. Не сам ли оппонент – виновник найденных противоречий, неспособности проникнуть в мысль, а следовательно, и ощущения бессвязности? В целом разумеется, что Поварнин, по-видимому, критиковал не его теорию, а какую-то систему, в появлении которой на свет он неповинен [11, с. 6].

Своеобразным каноном при написании ответов было следование пошагово за логикой оппонента, цитирование и демонстрация обнаруженных несуразностей. Уличение в некорректном цитировании, смещении акцентов, использовании в цитатах курсивов без уточнения, что курсив введён самим критиком, неверные толкования, игнорирование других сочинений автора – всё это вменялось в вину оппоненту, становилось предметом детального разбора, написания объёмных опровержений. Так могла сложиться новая книга, в которой представлена не только реплика оппоненту, но и уточнение своей позиции, в том числе своих взглядов и ошибок. Вот и Н.О. Лосский подчёркнуто благодарит С.И. Поварнина за указание на огрехи, которые он обещает исправить в новом издании. «В двух местах моей книги, – пишет Лосский, – С.И. находит действительно неосторожные выражения, дающие повод, если их брать вне целого книги, истолковывать в духе логики тождества» [11, с. 28]. И тут же уточняется,

что они вполне реабилитируются местами, которые всё ставят на свои места и снимают упреки. Более того, далее замечание разворачивается в сторону того, кто, заметив изъян, придал ему чрезмерное значение «всё по той же причине, которая обусловила появление в свете всей брошюры, - вследствие того, что г. Поварнин не усмотрел сущности интуитивизма» [11, с. 33], а в целом оппонент настолько далёк от сущности книги, обозначает Лосский, что даже ироническое замечание принимает за чистую монету [11, с. 40]. В результате брошюра С.И. Поварнина для Н.О. Лосского оказывается превосходным образцом «бедственного для критика положения» [11, с. 41].

Дискуссия на этом не заканчивается, и в 1912 г. выходит развёрнутый ответ на ответ Поварнина (см. [12]). Вступительное слово неслучайно называется «Автор и критик». Собственно брошенная перчатка нами выше процитирована. Заметим, что при всей корректности спора каждый начинает и заканчивает оценочной иронией, суждением, в котором подвергается сомнению всякая возможность понять друг друга. Дальше больше, и текст начинает тяготеть к сарказму, усиленному подчёркнутыми реверансами, например: «талантливый философ», «многоуважаемый» и т. п.

Тон задаётся уже на первой странице: «Если критикам грозит опасность прирешать свои мнения к мнениям критикуемого автора, то и авторам философских теорий свойственна, как известно, некоторая маленькая слабость, - вполне, конечно, извинительная: они склонны (иногда с очень завидным постоянством) считать свои теории чем-то вроде монолитов. Поэтому, решив а priori, что всякая критика их системы в этом отношении следствие непонимания, они нередко имеют очи, но не видят, имеют уши, но не слышат» [12, с. 3]. Аргументация Н.О. Лосского маркируется как «крайне своеобразная» [12, с. 4]. Следуя сложившемуся канону, Поварнин идёт посильным путём оппонирования, прибегая к помощи «цитат, сопоставлений и т. п. приёмов, обычно применяющихся в научном споре» [12, с. 4]. К расшифровке многочисленных неосторожных выражений, неточностей, многозначных словоупотреблений оппонент, как он пишет, приложил много труда и стараний, чтобы выяснить все оттенки полисемии терминов [12, с. 7].

Насмешкой доносится напоминание автору о замечательном старом способе избегать критики: «Прежде, чем обнародовать свою систему – тщательно продумать её» [12, с. 5]. На «драгоценные указания» Поварнин отвечает пожеланием автору: «прежде чем отвечать на критику, прочесть её», чтобы маленькая досадная неосторожность не помешала обратить оружие своей несокрушимой логики на возражения по существу и не оказаться в довольно бедственном положении [12, с. 12].

Что касается весьма сильного выражения об идиотичности, то С.И. Поварнин пишет: «Многоуважаемый Н.О. оценивает этот вопрос как-то слишком трагически. <...> Противоречия, даже самые огромные, отнюдь ещё не признак идиотизма, а признак неполной продуманности системы» [12, с. 8].

На наш взгляд, такие выражения, как «любопытное недоразумение», «досадная недифференцированность», «странность словоупотребления», предпочтение выражаться «как-то мягко и неопределённо», «сбивчивость терминологии» [12, с. 17], должны были усилить колкость, вполне допустимую в научной полемике того времени.

Продан – Введенский... и не только

Вне всякого сомнения, публичная полемика была в дореволюционной России «одной из форм существования университетской логики» [3, с. 46], но, думается, книга, как реплика, придавала дискуссии особую степень ответственности, когда слово не могло вылететь как воробей, а было пропечатано и впечатано в историю науки. Такой спор, рождающий текст, становится самостоятельным вкладом в приращение знаний, в упорядочивание концепций. Чаще всего идейные расхождения позволяли оппонентам сохранять отношения коллегиальности и доброжелательности. Однако бывали и более драматические сюжеты, когда дебаты почти сразу выходили за пределы предмета спора, коннотация их обнажала личную неприязнь, которая не скрывалась на страницах сочинений. Порой отстаивали свою репутацию, оскорблённую в дискуссии (это вполне было возможно), посредством публичных судебных разбирательств.

Примерно такой спор разгорается в начале XX столетия между А.И. Введенским и И.С. Проданом⁷, который в 1911 г. публикует свою «Новую логику...» [13]. Об этом затянувшемся на несколько лет «неприглядном событии в жизни русской философии» [14, с. 90], вышедшем за пределы академической аудитории в зал судебного разбирательства, подробно говорится в статье А.А. Ермичёва [14]. Позволю себе процитировать лишь несколько мест из дискуссии. Сочинение И.С. Продана было построено по принципу тезисного сравнения (сопоставления) его работ, опубликованных в разное время, с книгой известного «среди столичной молодёжи» [13, с. III] маститого профессора. Предполагая ответить А.И. Введенскому в рамках полемической статьи, И.С. Продан в результате пишет книгу – «критическое исследование» [13, с. VI], где не ограничивается спором с Введенским, а разбирает ошибки, не только «передаваемые по традиции», но и новые («оригинальные»), что обнаружены им в трудах профессора [13, с. VI].

Самое главное, книга должна была уточнить авторство: «В виду притязаний проф. Вв-го на “новое” в вопросах логики я по необходимости должен раскрыть источник того “нового”, о котором проф. Вв. заявляет в предисловии к своему университетскому курсу» [13, с. VI]. Притязания А.И. Введенского разбираются на более чем двухстах страницах, что завершаются словами: «Не может быть сомнения, что *проф. Введенский позаимствовал у меня отмеченные выше сведения и примеры*, числом больше сорока» [13, с. 219]. Собственно говоря, дело не в том, что обнаруживаются заимствования, которые «в учебниках – дело обычное, до известной степени, даже необходимое» [13, с. 219], а в том, что согласно доброму обычаю следует «из благодарности упоминать использованных авторов хоть в предисловии» [13, с. 220]. И.С. Продан уверен: если у автора «усерднейшей просьбы» хватит мужества прочитать его «Новую логику...», в которой эта просьба выполнена «добросовестно, хотя и не в полном размере», то, вероятнее всего, «он разразится своими обычными приёмами полемики, которые ничего общего не имеют ни с логикой, ни с логичностью» [13, с. 222]. А далее: «Но я не боюсь его гнева: благо, нас отделяют больше

⁷ Продан Исидор Саввич (1854–1919/1920) – приват-доцент Харьковского (с 1906 по 1916 г), а затем Донского университетов.

тысячи вёрст! Ещё менее боюсь я его логичности мышления: читатели видели, какова она» [13, с. 222]. Безусловно, стилистика оппонирования тяготеет к демонстрации личной неприязни и неуважения.

Наибольшего накала спор достигает в «Открытом письме...» (см. [15])⁸, которое было спровоцировано А.И. Введенским рассылкой «Послесловия»⁹ ко 2-му изданию «Логика как части теории познания» (см. [6, с. 513–515]). Позволю себе привести некоторые строки: «Так как я дорожу своим добрым именем больше, чем всеми благами мира, то я не могу оставаться равнодушным к опозориванию моего имени. Поэтому я от Вас требую удовлетворения, в первый раз – самого меньшего, а именно: 1) Тем же путём, каким вы распространили клевету, объявить печатно без всяких перетолкований и разглаговольствований. 2) Я требую уничтожения Вашего послесловия во всех экземплярах Вашей «Логика, как части теории познания», ещё не проданных. Если же вы этих двух требований не исполните до 26-го марта с. г., то я возбужу против Вас уголовное преследование» [15, с. 8]. В подстрочнике даётся отсылка к ст. 1535 Свода законов Российской Империи о заключении в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев за клевету в печатном сочинении или письме¹⁰, а также напоминание: «Судебным разбирательством вы скомпрометируете перед публикой не только себя, но и Учёный Комитет Министерства Нар. Просвещения, который Вашу “Логика для гимназий...” удостоил большой премией, не заметив в этом Вашем учебнике 209 ошибок “по существу” и сорока заимствований из моего учебника логики» [15, с. 8].

Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, В.М. Каринский, С.И. Поварнин играли в этой растянувшейся на годы полемике роль группы поддержки А.И. Введенского, написав рецензии на работы И.С. Продана. Практически на каждую из них И.С. Продан ответил в формате статьи или брошюры. Публичной площадкой выступил «Журнал Министерства народного просвещения». Так, в сентябре 1910 г. в нём была опубликована рецензия И.И. Лапшина¹¹ на 2-е издание учебника логики Продана [16]. В ответ на это в январском номере за 1911 г. И.С. Продан пишет: «Почтенный рецензент учёного комитета сделал мне 17 замечаний, которым не дал ни надлежащей квалификации, ни обозначения» (цит. по [17, с. 3]).

Ответ на рецензию В.М. Каринского¹² также выходит в формате публикации, в которой не только содержится категорическое несогласие с рецензентом, но и приводится обращение к редактору: «Г-н редактор Журнала Министерства народного просвещения! В октябрьской книге 1914 года в Вашем журнале (Отд. критики, с. 370-387) была помещена рецензия на мою книгу “Познание

⁸ Позже отношения будут выясняться в суде, но это, как говорится, другой жанр.

⁹ Публикация имеет подзаголовок «Умышленная неправда, которую И.С. Продан утверждает обо мне».

¹⁰ См. <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/171.html>.

¹¹ Лапшин Иван Иванович (1870–1952), как отмечается в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона», окончил курс в Санкт-Петербургском университете по историко-филологическому факультету, где работал главным образом под руководством профессора А.И. Введенского (<http://www.runivers.ru/bookreader/book10216/#page/64/mode/1up>).

¹² Каринский Владимир Михайлович (1874–1932) был определён приват-доцентом кафедры философии Санкт-Петербургского университета в июле 1902 г. В сентябре 1913 г. был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора кафедры философии в Харьковском университете.

и его объект: (Оправдание здравого смысла)¹³. В ней рецензент приписывает моей книге и мне множество вещей, которые совершенно не соответствуют действительности; а в некоторых пунктах он приписывает моей книге прямо противоположное тому, что сказано в цитируемых им же местах. Поэтому прошу Вас покорнейше на основании 139 ст. Ценз. Уст. напечатать настоящее моё опровержение. Я рассмотрю все замечания рецензента без пропусков в том же порядке, в котором они изложены в рецензии, причём за рецензента обозначаю их номерами по порядку» [19, с. 1]. Оппонируя каждое из замечаний, И.С. Продан резюмирует:

- почтенный рецензент неверно приписал ему уверенность в том, что специалисту должно показаться несообразным;
- повторяет замечания его первого рецензента;
- приписывает ему как раз противоположное сказанному;
- не приводит ссылок, подтверждающих упрёк;
- в недоумениях рецензента его книга не виновата, так как в ней не имеется того, что ему приписал рецензент;
- неверно передаёт словами, «пристёгивает мысли» [19, с. 20].

Очевидно, что аргументация (при всей её специфичности), которая неоднократно обсуждалась в истории философии, канонически воспроизводилась как между диспутантами, находящимися в отношениях приязни, коллегиальности, дружбы (Введенский – Лосский – Поварнин – Лапшин), так и между теми, кто, что называется, не подал бы друг другу руки (Продан – Введенский). Это традиция рубежа XIX – XX вв., когда позиции и мотивы дискутирующих сторон могли считаться «своего рода квинтэссенцией позиции университетских философов с точки зрения их взглядов на выбор наиболее приемлемых и убедительных способов философской аргументации» [20, с. 161].

Завершая размышления о научных полемиках в академическом сообществе того времени, позволю себе ещё один пример критического разбора, который хронологически приближает нас к 1917 г., определившему перемены, с одной стороны, в самом развитии логики как науки в России, а с другой – в стратегиях взаимодействия учёных.

В 1917 г. И.И. Лапшин уже в Петрограде публикует свою критику на магистерскую диссертацию приват-доцента С.И. Поварнина «Логика. Общее учение о доказательстве» (1916), которая понимается как попытка «в корне преобразовать всю систему логики» [21, с. 5]. Лапшин заявляет «самым категорическим образом, что теоретической логики, рассматривающей общее учение о доказательстве, помимо какого-либо гносеологического и метафизического обоснования, не существует и не может существовать» [21, с. 12]. В двенадцати тезисах суммируются основные критические позиции оппонента по существу вопроса. Между тем «личная речь», традиционная для публичной полемики того времени, в работе также присутствует и как бы провоцирует продолжить дуэль. Приведу этот аккорд без купюр:

«В брошюре С.И. Поварнина “Логика отношений”, вышедшей в свет тотчас после появления на страницах “Журнала Мин. Нар. Просв.” моего исследования

¹³ Библиографическое описание см. [18].

“Логика отношений и силлогизм”, автор не упоминает о моих возражениях на его “Логику” ни одним словом. В кратком же ответе на мою критику, помещённом в том же журнале (1917), он заявляет, что *не хочет* отвечать почти на все мои возражения, так как они-де не относятся к делу. Это – самый лёгкий способ отделяться от докучливой критики, но едва ли он эффективен. Быть может, и найдётся наивный человек, незнакомый с моею статьёй, который поверит на слово г. Поварнину, но у более пытливого и проницательного читателя, выслушавшего обе стороны, может, пожалуй, закрасться в душу подозрение: “Не потому ли г. Поварнин не хочет отвечать на возражения, что не может?”» [21, с. 85].

В известной степени это всё та же провокация в соответствующей стилистике. Апеллирование к «пытливому и проницательному читателю», по сути, призыв к широкой дискуссии всего сообщества логиков, своего рода проверка их на лояльность, на прозорливость.

Замечательная традиция прошлого полемизировать на страницах книг (брошюр), которые воплощали в себе своеобразные критические реплики оппонентов, сохранила для исследователей богатейший материал об историческом становлении логики как науки в академическом сообществе России, стратегиях постановки новых задач, их обсуждения. Начало XX в. – это время широких научных дискуссий, порой выходящих за пределы учебных аудиторий. Вместе с тем, как показывает проведённый нами анализ, тон их отличается резкостью, обличительными нотами, иронией. Вполне вероятно, выбор типа аргументации зависел в значительной степени «от принятых норм ведения философской дискуссии в той философской группе, к которой он относится, также от ориентирующего его креативность образа философии и от личностно-психологических особенностей» [20, с. 156].

В заключение заметим: события 1917 г. внесут значительные коррективы не только в эталоны аргументации, стратегии академической полемики, но даже в саму возможность таковой. С.И. Поварнин в 1918 г. издаст книгу о споре, цитатой из которой была начата данная статья. Жизнь И.С. Продана трагически оборвётся в конце 1919 г. (погиб при вступлении в Ростов-на-Дону отрядов Красной армии). А.И. Введенский в 1920-х гг. будет активно участвовать в философских спорах, выступая против материализма и марксизма, а И.И. Лапшина и Н.О. Лосского в 1922 г. вышлют из России, тем самым исключат из дискуссий советских логиков.

Благодарности. Исследование осуществляется в рамках продолжающегося совместного франко-российского семинара по социальной истории логики “The history of logic, its scientific and socio-cultural aspects” (Университет Тулузы - СПбГУ, 2015-2016).

Литература

1. *Поварнин С.И.* Спор: О теории и практике спора. – Пг.: Изд-во О. Богдановой, 1918. - 110 с.
2. *Кобзарь В.И.* Очерк истории логики в России // *Логика: Библиограф. справ.* (Россия – СССР – Россия). – СПб.: Наука, 2001. – С. 5-14.

3. *Попова В.С.* Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX в. - Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 160 с.
4. *Лосский Н.О.* Преобразование понятия сознания в современной гносеологии и его значение для логики // *Логика*: Сб. ст. - М.: Современ. проблемы, 1913. - С. 3–46.
5. *Бажанов В.А.* Прерванный полёт: История «универ.» философии и логики в России. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. - 107 с.
6. *Введенский А.И.* Логика как часть теории познания. – СПб.: Склад у М.М. Стасюлевича, 1912. – XII, 555 с.
7. *Лосский Н.О.* Логика проф. А.И. Введенского: [По поводу кн. проф. А.И. Введенского «Логика, как часть теории познания»]. - М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1912. - 52 с.
8. *Менделеев И.Д.* От критицизма к этической гносеологии: Опровержение критицизма проф. А.И. Введенского: Введение в этическую гносеологию. – Клин: Тип. бр. В. и Г. Лукошковых. 1914. – VI, 112 с.
9. *Поварнин С.И.* Об «интуитивизме» Н.О. Лосского. - СПб.: Тип. т-ва печ. изд. дела «Труд», 1911. – 27 с.
10. *Ивановский В.Н.* О некоторых недоумениях, вызываемых «интуитивизмом» Н.О. Лосского. – Казань: Тип. Харитонова, 1913. - 18 с.
11. *Лосский Н.О.* Ответ С.И. Поварнину на критику интуитивизма. - СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – 41 с.
12. *Поварнин С.И.* Разбор «ответа» Н.О. Лосского на мою критику интуитивизма. - СПб.: Тип. Кюгельген, Галич и К^о, 1912. - 55 с.
13. *Продан И.С.* «Новая логика»: Критическое исследование и разъяснение новых и старых заблуждений и ошибок. - Харьков: Тип. «Мирный труд», 1911. – VIII, 228 с.
14. *Ермичев А.А.* Скверный анекдот, или Дело двух профессоров // *Вопр. философии* – 2014. - № 7. - С. 90-101.
15. *Продан И.С.* Открытое письмо профессору С.-Петербургского университета А.И. Введенскому. - Харьков: Тип. «Печатник», 1912. - 8 с.
16. *Лапшин И.И.* Рецензия на 2-е издание учебника логики Продана // *Журн. Мин-ва нар. просвещения*. – 1910. – Сент. – Ч. XXVII. – С. 92–96.
17. *Продан И.С.* Ответ г-ну И. Лапшину на его рецензию учебника логики И.С. Продана. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 20 с.
18. *Продан И.С.* Познание и его объект (Оправдание здравого смысла). Ч. 1-я. – Харьков: Тип. «Мирный труд», 1913. – XXVI, 474 с.
19. *Продан И.С.* Ответ на рецензию В. Каринского о книге И.С. Продана «Познание и его объект, оправдание здравого смысла». - Харьков: Тип. «Мирный труд», 1915. - 26 с.
20. *Бажанов В.А., Баранец Н.Г.* О способах философской аргументации на рубеже XIX – XX вв. (полемика А.И. Введенского с С.Н. Трубецким) // *Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин* / Под ред. В.Н. Брюшинкина, В.С. Поповой. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 154-161.
21. *Лапшин И.И.* Гносеологические исследования. Вып. 1-й: Логика отношений и силлогизм (По поводу книг приват-доцента С.И. Поварнина: «Логика. Общее учение о доказательстве» и «Логика отношений»). – Пг.: Сенат. тип., 1917. - 85 с.

Поступила в редакцию
17.06.16

Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: nadinor@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 4, pp. 1173–1184

“We Argued for a Long Time — Until the Tears of Stress...”
(Scientific Controversy in the Community of Russian Logicians
on the Pages of Public Press in the Early 20th Century)

N.Kh. Orlova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: nadinor@mail.ru

Received June 17, 2016

Abstract

The paper discusses some aspects of logics development in Imperial Russia from the point of communication within the academic community. The author analyzes the tradition of writing critic books in response to the works of colleagues.

The urgency of the research is determined by the fact that it is important to reveal traditions and patterns of the communication strategies within the academic community.

The aim of the paper is to show the huge potential and value of polemic motivation to initiate publication activity of university scientists and academics.

Numerous primary sources of the first quarter of the 20th century are used in the research. Many of them were not republished. The discussions that took place between debaters, colleagues or friends (A.I. Vvedensky – N.O. Lossky – S.I. Povarnin – I.I. Lapshin) and those who had personal grudge against their opponents (I.S. Prodan – A.I. Vvedensky), are reconstructed.

A whole number of examples proving that Russian logicians in the early 20th century used monographs, handbooks, and papers as a platform for scientific disputes and exchange of opinions, including those with the international scientific community, are provided. The controversy in books was a kind of “distance” conference unfolded in time.

Based on the results of the research, conclusions were made that the general situation with logics in the early 20th century is the time of extensive scientific discussions that often proceeded outside the classrooms. The academic community focused controversy in its diverse forms on various ideas generated by the most competent authors of that time. There was a specific canon for writing responses, i.e., following the opponent’s logic step by step, as well as revealing inaccurate citation, shift of emphasized thoughts, or even plagiarism.

It seems important from the obtained results that, despite the tough style of retorts addressed to opponents, the strategies of opponency in monographs, handbooks, and papers provided technically for the search of some common foundations in subsequent research. The dispute of this type was an individual contribution to the accretion of knowledge and ranking of concepts. Books, as a reply, ensured a certain degree of responsibility in discussions; every word left its impression in the history of science.

The results of the study are very important for researchers investigating social history of establishment of logics as a science, history of development of the Russian academic community, and strategies for holding scientific disputes.

Keywords: philosophy, history of logics, academic community, communication strategies, publication activity, scientific controversy

Acknowledgments. The study was performed as part of the ongoing France-Russia joint seminar on social history of logics “The history of logic, its scientific and socio-cultural aspects” (Toulouse University – St. Petersburg University, 2015-2016).

⟨ **Для цитирования:** Орлова Н.Х. «Мы спорили долго – до слёз напряженья...» (Научная полемика российских логиков на страницах открытой печати в начале XX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 1173–1184. ⟩

⟨ **For citation:** Orlova N.Kh. “We argued for a long time — until the tears of stress...” (Scientific controversy in the community of Russian logicians on the pages of public press in the early 20th century). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 4, pp. 1173–1184. (In Russian) ⟩